

Взаимодействие и взаимопроникновение языков и культур: Матер. межд. науч. конф. – Минск: БГПУ, 2008. – Ч.2. – С. 74-77.

Н. В. Жданович (Минск)

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ ЭПИТЕТЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Эпитет – полифункциональная, полисемантическая единица, жизнь которой детерминирована художественной тканью произведения, эстетикой автора и его мировосприятием. Свежий взгляд даже на обычные вещи рождает неожиданные ассоциации, которые связывают в нашем сознании далекие друг от друга понятия, объединяют слова различных лексико-семантических групп, благодаря чему становится возможным перенос свойств одних предметов к другим, для которых эти свойства не типичны.

В сознании носителей языка обязательно присутствует понятие эталона – представление о цвете, вкусе, свойстве того или иного предмета. Однако это представление носит объективно-субъективный характер: абсолютная объективность невозможна потому, что у носителей языка нет и не может быть единой «точки отсчета» [4] – она может быть только более или менее общей. Относительная объективность наших представлений, эталонов дает возможность появлению субъективных признаков реальных предметов. Эти субъективные признаки и составляют специфику редких, индивидуально-авторских определений, подавляющее большинство которых можно назвать *потенциальными* эпитетами, поскольку, как слова, они уже есть в языке, но по отношению к определяемому являются новыми определениями.

В лингвистической литературе до сих пор нет единства в толковании понятия «потенциальное» [2], [3]. Как правило, эта номинация появляется в исследованиях, касающихся процессов деривации: неологизмы получают статус окказиональной или потенциальной единицы в зависимости от продуктивности модели. Некоторые лингвисты к окказиональным единицам склонны относить вообще любые индивидуально-авторские образования, в том числе и редкие эпитеты. Мы дифференцируем терминологические определения

«оказиональный» и «потенциальный» применительно к индивидуально-авторским эпитетам, связывая с деривацией только первое из них.

В основе образования *потенциальных* определений лежит нарушение лексической сочетаемости. Потенциальные эпитеты хотя и воспринимаются как необычные, неожиданные по отношению к данному денотату, однако имеют с ним семантическое согласование. Во многих сочетаниях можно представить мотив переноса и найти мотивирующие семы, которые входят в импликационал определяемого/определения. Рассмотрим пример.

Живи смелей, товарищ мой, // Разнообразь досуг шутливый! // Люби, мечтай, пируй и пой, // Пренебреги молвы болтливой // И порицаньем и хвалой (Е.А. Баратынский. Добрый совет) – определение *болтливая молва* необычно (ср.: обычное *болтливый человек*), но оно является потенциальным, поскольку между определением и определяемым есть семантическое согласование:

<u>БОЛТЛИВЫЙ</u> 		<u>МОЛВА</u>
1. 'любящий много говорить', 'не умеющий хранить тайну'	↔	1. 'слухи', 'толки', 'то, что говорят'
общая сема ' <u>говорить</u> '		
2. пейоративная коннотация (ср.: разговорчивый – нейтр., болтливый « – »)	↔	2. может быть положительная и отрицательная коннотация (добрая молва, дурная молва)
свойственна <u>отрицательная оценка</u>		
3. свойство живого существа, того, <u>кто</u> обладает речью	—	3. абстрактное понятие
<u>нарушение лексической сочетаемости</u>		

Наличие общей семы дает основание для сближения определения и определяемого. Возникшая номинация актуализирует негативную оценку *молвы* и расширяет эмоционально-экспрессивное пространство сочетания в целом: свойством живого существа наделяется абстрактное понятие, которое метонимически эксплицирует основной денотат (молва – люди). Такой же механизм образования лежит и в основе необычных сочетаний *болтливая*

старина (А.С. Пушкин), *говорливая дружба* (Ф.Н. Глинка). Древние предания весьма красноречивы, а дружба немыслима без общения, поэтому индивидуально-авторские эпитеты имеют семантическую согласованность с определяемыми словами и также потенциальны: *В часы досугов золотых, // Под шепот старины болтливой, // Рукою верной я писал* (Руслан и Людмила); *И сколько дивных повестей // О жизни, о боях страстей // Он сдал друзьям с души своей // В разгаре дружбы говорливой!* (Воспоминание о пиитической жизни Пушкина).

Компонентный анализ нестандартных сочетаний интересен в сопоставлении с обычными номинациями: *жадная волна, жадная вражда — жадный человек*. Предварительно обратим внимание на семантику дистрибутов:

<u>человек</u>		<u>волна</u>		<u>вражда</u>
1. живое существо	—	1. природный объект	—	1. абстрактное понятие
		\		/
		на денотативном уровне <u>общие семы отсутствуют</u>		
2. характерен рост (большой/маленький; взрослый/ребенок)	↔	2. возможен рост (большая/малая)	↔	2. возможен рост (вражда растет)
3. питание необходимо	—	3. ———— но: обладает способностью все поглощать	—	3. ———— но: в переносном употреблении может получать это свойство
4. есть и созидующее, и разрушающее начало	↔	4. разрушающая сила	↔	4. разрушающая сила
		↓		↓
		<u>есть семантические сближения</u> на уровне коннотации		

Прилагательное *жадный* ('стремящийся к наживе', 'ненасытный', 'настойчивый в стремлении удовлетворить свое желание') – обычное определение для живого существа. Хотя денотативные семы существительных *человек, волна, вражда* не совпадают, семантическое сближение обнаруживается на периферийном уровне их лексических значений. Поэтому типичное для человека

определение *жадный* становится потенциальным определением природного объекта (волны) и абстрактного существительного (вражды): *Роскошно пенясь, перси полны // Лобзает жадная волна* (Е.А. Баратынский. Леда); *В долине той враждою жадной // Сражен наездник молодой* (А.С. Пушкин. Поэма о Тазите). Свойственный поэзии антропоморфный перенос признаков способствует тому, что определение *жадный* становится в поэтической речи первой половины XIX века довольно частотным в индивидуально-авторских сочетаниях и встречается в произведениях многих поэтов: *жадное время* (К.Н. Батюшков), *жадная судьбина* (В.А. Жуковский), *жадная вражда, жадная скука, жадный вал* (А.С. Пушкин), *жадная волна, жадная страсть* (Е.А. Баратынский), *жадные думы* (М.Ю. Лермонтов), *жадная вечность* (В.Г. Бенедиктов), *жадная надежда* (Ап. Григорьев).

Аналогичное рассмотрение нестандартных атрибутивных сочетаний подтверждает, что наличие инвариантных сем в структуре определения и определяемого, а также в семантике основного и нового денотатов позволяют говорить о потенциальности определения, которое в данном сочетании воспринимается как необычное. Сближение отдаленных сфер или даже понятийно несовместимых денотатов и нахождение между ними общих признаков является органическим свойством человеческого сознания. То, что соединяется в мышлении, находит выражение в языке, а языковое сознание личности своеобразно преломляется в системе эпитетов. Именно поэтому основной источник образования необычных атрибутивных сочетаний в поэтической речи – это реализация потенциальных возможностей языковых единиц.

Литература

1. Горбачевич К.С., Хабло Е.П. Словарь эпитетов русского литературного языка. – Л.: Наука, 1979. – 378 с.
2. Лыков А.Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). – М.: Высш. шк., 1976. – 119 с.
3. Шабовіч М. Аказіяналізмы ў беларускіх мастацкіх тэкстах (да праблемы даследвання) // Слова. Вобраз. Кантэкст: Зб. навук. артык. – Мінск: БДПУ, 1994. – С. 58-69.

4. Шрамм А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале современного русского языка). – Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. – 134 с.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ